

Carta de Iu. M. Bondi a M. F. Gniéssin
Novembro de 1914

Caro Mikhail Fabiánovich!

De acordo com o plano traçado, desenvolvido pelo Quartel General de Serioja, devo descrever-lhe todas as frentes do Estúdio, fora uma: a "Musical".

O Estúdio foi inaugurado em 1 de setembro numa sede nova e ainda inédita para nós na rua Borodínskaia, na casa dos Engenheiros das Vias de Comunicação.

Meierhold, que voltou em agosto de Tsárskoie Sieló, passou a morar na nossa casa, ficando conosco até 8 de setembro e às noites sempre falávamos do Estúdio. Meierhold não queria nem ouvir falar em não abrir o Estúdio por causa da guerra! Ele dizia que o Estúdio devia funcionar, pois: se algo é "grande", importante, necessário para o teatro, então por que deveria ser interrompido quando nós, que não fomos convocados, permanecemos em casa e não deixamos de amar nem o Estúdio, nem o Novo Teatro. Já que a própria guerra é feita para que depois haja paz: por isso nós, sob a trovada de canhões (se os alemão tivesse chegado a Petesburgo), devíamos ou ir com as armas para as trincheiras, ou reunir-mos no Estúdio e com energia e disposição sem precedentes preparar o nascimento do Novo Teatro.

E se o Estúdio é um desses estabelecimentos inúteis que, como os restaurantes, devem fechar quando "há outras preocupações", então não precisamos de tal estúdio e que ele seja fechado para sempre.

Portanto, foi decidido abrir o Estúdio e trabalhar nele com o afincado que convém aos tempos de guerra, quando muitos dos ex-alunos derramam por nós o seu sangue.

O Estúdio foi inaugurado em 1 de setembro. No começo era freqüentado por 14 pessoas, depois por mais 7, depois por menos ainda [sic].

Afastaram-se Blok, Veríguina, Ada Korvin, Tarásova, Trepálina, Bielogolóvaia, Iachmenkova, Gruzenberg, Olaga Ra, Strakhóvich, Gripich, Grigóriev, Lachinov, Andréiev, Titov, Kovalski, Pissarevski e ainda muitos outros alunos e alunas. Desapareceram Klepínina, Fetissova, Semiónova. Liubov Dmítrievna fio para a guerra como enfermeira; Kuzmin-Karaváiev está lutando na Galícia, Gripich entrou para a escola militar. Valentina Petróvna, Ada Korvin e Tarásova não podem se ocupar com arte 'nessa situação'; Trepálina e Grigóriev, seduzidos por Olga Ra, ingressaram na escola de Tchekríguina (!). Os outros simplesmente afastaram-se.

Depois apareceram novos, vieram muitos antigos, voltaram ao Estúdio Veríguina e Ada Korvin, e agora 4 vezes por semana (segunda, quarta, sexta e sábado) reúnem-se umas 30 pessoas. A maior carga horária fica com as aulas

de Meierhold (aula de movimento) e com a "Leitura musical no drama" (versificação). Soloviov fala comparativamente menos (ainda [e faz] bem). Neste ano destacam-se especialmente Notman, Botchárnikova (cujo rosto parece com as mulheres de Boríssov-Mussátov), Kuliabko-Korétskaia, Petrova, delina-se uma Kalinina [jovem] (ex-melhor aluna da sra. Karlóvitch, ...).

Das aulas novas começamos recentemente a estudar com os alunos desenhos de pintores sem nenhuma relação com o teatro: quadros de velhos mestres (por exemplo Giotto), quadros e desenhos japoneses etc.

Isso é muito útil, já que ensina os alunos a ter consciência dos desenhos, os quais, no fundo, são as principais fontes das quais os atores tiram os seus 'estilos'. É especialmente triste quando um ator moderno olha para um desenho egípcio o persa e tenta refazer a mesma forma que ele viu no desenho. Os alunos, por sua vez, devem ter consciência dos desenhos e saber o que eles podem dar tanto ao ator, como ao diretor, ao encarregado dos acessórios, ao cenógrafo.

Depois, por esses dias deve ser iniciada uma nova aula de 'acessórios'. Grandes mesas na nossa sala, nas quais os próprios alunos irão fabricar tudo: os seus figurinos, as máscaras, as 'perucas' (que no nosso caso não são, obviamente, feitas de cabelo), objetos para uso próprio e para o palco (acessórios), cenários, biombos, iluminação (lâmpadas etc.). Enfim, supõem-se que existe pronto e formado um ator com o seu corpo que chega a um palco nu, não pronto e não iluminado.

Como nós mesmo não conseguiríamos, não conhecendo a técnica de fabricação de máscaras, por exemplo, acertar essa aula, Meierhold vai chamar Lapchin - um bom e velho encarregado de acessórios de um tipo bom - que nos dará algumas aulas.

Em dezembro ou mais tarde supõe-se uma apresentação do Estúdio (na própria sede) com uma série de peças próprias (pantomimas) e com uma pantomima representada ex-improviso (improvisada) sobre um tema sugerido no momento pelo público. Tudo isso ainda está em fase de discussão com Meierhold.

Caro Mikhail Fabiánovich!

Neste trecho da carta houve uma interrupção de quase duas semanas. Nesse período aconteceram coisas importantes para nós, das quais ainda não estamos totalmente recuperados. Comunico-lhe brevemente, já que é muito difícil escrever sobre o assunto: assim que o senhor chegar, queira Deus, nós lhe contaremos.

Nós: eu e em seguida Serioja, Aliocha e Natacha saímos do Estúdio. Oficialmente isso se chama: "por questão de princípios" Iuri Mikháilovitch e

Serguéi Mikháilovitch saíram do Estúdio. Mas na realidade o assunto é apenas entre nós e Meierhold – o diretor do Estúdio.

Com essa notícia termina toda a nossa com Serioja parte da carta. Até logo, querido Mikhail Fabiánovitch. Perdoe-nos e se puder – nos escreva. Todos os nossos lhe cumprimentam.

Beijo.
Iuri.

нологию, даже новую «идеологию», но суть системы и лексика упражнений остались неизменными. Из этого вытекает и главный итог его серьезного увлечения итальянской импровизованной комедией и балаганом: к моменту третьей русской революции, провозгласившей лозунг о принадлежности искусства народу и широко распахнувшей двери театров перед людьми, никогда ранее туда не хаживавшими, Мейерхольд подошел уже с готовым новым выразительным язы-

ком, языком поистине всенародным, чистая театральность которого была абсолютно доступна и заразительна для всех слоев развороченного общества. От «нарядного балагана» пантомим 1910-х годов до политического балагана «Мистерии-буфф» был всего один шаг. Сделать этот шаг художнику, захваченному волной новой социальности, было так же естественно, как бывшему бунтарю-гимназисту сменить цилиндр на красную армейскую фуражку.

«...с небывалой энергией и бодростью готовить рождение Нового Театра»

Письмо Ю. М. Бонди М. Ф. Гнесину
1914, ноябрь

Дорогой Михаил Фабианович!

Согласно стратегическому плану, разработанному Сережиным Генеральным штабом — все стороны Студии, кроме одной: «Музыкальное чтение в драме», должен Вам описать я.

Студия открылась 1 сентября в новом прекрасном еще небывалом для нас помещении на Бородинской улице, в доме Инженеров путей сообщения.

Мейерхольд, приехавший в августе из Царского села, поселился у нас, прожил с нами до 8 сентября, и по ночам мы каждый день говорили о Студии. Мейерхольд и слышать не хотел, чтобы Студия не открывалась из-за войны! Он говорил, что Студия должна работать, ибо: если она вещь «великая», важная, нужная для театра, то почему ей прекращаться, когда мы-то, не взятые на войну, остаемся дома и не перестаем любить ни Студию, ни Новый Театр. Ведь война для того, чтобы после был мир: поэтому мы под гром пушек (если бы немцы пришли в Петербург), должны были бы или идти с ружьями в окопы, или собираться в Студии и с небывалой энергией и бодростью готовить рождение Нового Театра.

А если Студия — одно из учреждений ненужных никому, которые как рестораны, должны закрываться, когда «не до того», — то такой студии нам не надо, и пусть она закроется раз навсегда.

Итак, решено было открыть Студию и заниматься в ней так усердно, как приличествует в военное время, когда многие из бывших студийцев проливают за нас свою кровь.

1 сентября Студия открылась. Сначала посещали ее 14 человек, потом еще 7, потом еще меньше.

Отпали Блок, Веригина, Ада Корвин, Тарасова, Трепалина, Белоголовая, Ячменькова, Грузенберг, Ольга Ра, Страхович, Грипич, Григорьев, Лачинов, Андреев, Титов, Ковальский, Писаревский и многие еще студийцы и студийки. Без вести для нас пропали Клепинина, Фетисова, Семенова. Любовь Дмитриевна уехала на вой-

ну сестрой милосердия; Кузьмин-Караваев дерется в Галиции, Грипич поступил в военное училище. Валентина Петровна, Ада Корвин и Тарасова не могут заниматься искусством, когда «такое время»; Трепалина и Григорьев, сманенные Ольгой Ра, поступили в школу Чекрыгиной (!). Остальные просто отпали.

Потом появились новые, съехались многие старые, вернулись в Студию Веригина и Ада Корвин, и теперь 4 раза в неделю (понедельник, среда, пятница и суббота) собирается человек по 30. По времени больше всего занятия идут в классах Мейерхольда (класс движения) и «Музыкального чтения в драме» (стихосложение). Соловьев говорит сравнительно меньше (и хорошо делает). Особенно отличаются в этом году Нотман, Бочарникова (похожа лицом на женщину Борисова-Мусатова), Кулябко-Корецкая, Петрова, намечается Калинина новая (бывшая лучшая ученица г-жи Карлович, отрясшая прах от своих ног).

Из новых занятий начали недавно рассматривать совместно со студийцами рисунки совершенно не относящихся к театру художников: картины старинных мастеров (например Джотто), картины и рисунки японцев и т. д.

Это очень полезно, так как научает студийцев сознательно относиться к рисункам, которые, в сущности, являются главными источниками, у которых актеры заимствуют «стили» свои. Особенно бывает плачевно, когда современный актер посмотрит на какой-нибудь египетский или персидский рисунок и старается выломаться точно так, как он увидел на картине. Студийцам же важно уметь сознательно относиться к рисункам и знать, что может дать рисунок и актеру, и режиссеру, и бутафору и декоратору.

Затем, на днях, должен открыться новый класс «бутафории». Большие столы в нашем зале, на которых студийцы сами будут делать все: свои актерские наряды, маски, так называемые «парики» (у нас, конечно, не из волос, а из бумаги), предметы в своих руках и на сцене (бутафория), декорации, ширмы, освещение (фонри и т. д.). Словом, предполагается, что

...театра...
...заразитель...
...От «на...
...политиче...
...один шаг...
...ому волн...
...но, как бы...
...р на кра...
...ствует готовым и сделанным сам актер
...его тело), пришедший на неубранную, пустую
...не освещенную площадку.
...Так как мы сами не сумеем, не зная
...техники деланья масок, например, наладить этот
...класс, то Мейерхольд позовет Лапшина — хо-
...шого, старого и хорошего типа бутафора,
...который нам даст несколько уроков.

В декабре или позже предполагается
...студийное выступление (в собственном помеще-
...ни) с целым рядом собственных пьес (пан-
...томим) и с пантомимой, разыгранной ex improviso
...импровизированной) на тут же заданную из-
...блики тему. Это все еще в стадии разговоров
...Мейерхольдом.

Дорогой Михаил Фабианович!

В этом месте письма произошел перерыв
...доло двух недель. За это время произошли
...чень важные для нас события, от которых
...мы еще не вполне оправились. Сообщу Вам
...так, как писать на эту тему очень
...рудно: вот Вы приедете, Бог даст, — и мы Вам
...расскажем.

Мы: я, за мной Сережа, Алеша и Наташа
...шли из Студии. Официально это называется:
...по принципиальным причинам» Юрий Михайло-
...и Сергей Михайлович вышли из Студии.
...от. На самом же деле это касается только
...ас и Мейерхольда — директора Студии.

На этом сообщении кончается вся часть
...шего с Сережей к Вам письма. До свидания,
...дорогой Михаил Фабианович. Извините нас, и если
...можете — напишите. Все наши Вам кланяются.
...Целую Вас

Юрий

Ю. Юрьев — Дон Жуан. Шарж, 1910

«Сегодня — здесь, а завтра — там».
Карикатура Тома

Письмо Л. М. Леонидова Вс. Э. Мейерхольду
8 марта 1913 г. Москва

Дорогой Всеволод Эмильевич!
Согласно Вашей телеграмме я послал
Влад[имиру] Арк[адьевичу] письмо с предложе-
нием своих услуг и с нетерпением буду
ждать ответа.

Не нахожу слов, как благодарить Вас за
Ваше участие

Жду от Вас письма.

Весь Ваш
Л. Леонидов
Очень меня интересует Ваш «Маскарад».

«Два брата». Рисунок Дени, 1915